

Шолохов Михаил Александрович.

Судьба человека.

Густая и горькая правда о войне- о том, как и какой ценой добыта победа.

- Кто главный герой рассказа?
- Почему рассказ называется «Судьба *человека*», а не «Судьба Андрея Соколова»?
- Он один из многих- в его судьбе судьба целого народа.

Композиция- рассказ в рассказе.

- В чём смысл такого построения рассказа?
- Создаётся впечатление особой достоверности, документальности.

Начало рассказа- описание природы. С какой целью?

- Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули теплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны.
- Широкая картина дружной, напористой весны символична- это первая послевоенная весна- пробуждение земли и пробуждение души человеческой, освободившейся от фашистского ига.

Завязка- встреча двух рассказчиков.

- Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика, судя по росту - лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском: - Здорово, браток! - Здравствуй. - Я пожал протянутую мне большую, черствую руку. Мужчина наклонился к мальчику, сказал: - Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофер, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет. Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил: - Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

В описании внешности отца и сына- приём антитезы.

отец

- Он положил на колени **большие темные руки**, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь **глаза, словно присыпанные пеплом**, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.
- А отец выглядел иначе: прожженный в нескольких местах ватник был небрежно и грубо заштопан, латка на выношенных защитных штанах не пришита как следует, а скорее наживлена широкими, мужскими стежками; на нем были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их **не коснулась женская рука...**

сын

- Глядя мне прямо в глаза **светлыми, как небушко, глазами**, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне **розовую холодную ручонку**. С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно приподнял белесые бровки.
- Мальчик был одет просто, но добротнo: и в том, как сидела на нем подбитая легкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчетом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки - все выдавало женскую заботу, **умелые материнские руки**.

Докажите, что судьба А.Соколова типична.

- 1.самая обычная довоенная жизнь.
- Поначалу жизнь моя была обыкновенная.
- В гражданскую войну был в Красной Армии. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один.
- Вскоро женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка!
- Приходилось кое-когда после получки и выпивать с товарищами. ...И опять же ни тебе упрека, ни крика, ни скандала.
- Вскоро дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через год еще две девочки... Тут я от товарищей откололся. Всю получку домой нес, семья стала числом порядочная, не до выпивки.

Война высвечивает в герое главное- человеческое достоинство, которое он сохраняет в самых трудных ситуациях.

- А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий - пожалуйста в эшелон. ...прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: "Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье". Она и говорит, и за каждым словом всхлипывает: "Родненький мой... Андрюша... не увидимся мы с тобой... больше... на этом... Свете»...Силой я разнял ее руки и легонько толкнул в плечи. Толкнул вроде легонько, а сила-то у меня! была дурачья; она попятилась, шага три ступнула назад и опять ко мне идет мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: "Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!»
- - До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда ее оттолкнул!..

Докажите, что Андрей Соколов постоянно ставится в ситуацию выбора.

- ...оказалась одна наша
стодвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами по самую завязку, и сам я на погрузке работал так, что гимнастерка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идет, впереди стрельба, и уже начало попахивать жареным...
Командир нашей! автороты спрашивает: "Проскочишь, Соколов?" А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? "Какой разговор! - отвечаю ему. - Я должен проскочить, и баста!"

- Когда пришел в себя, опомнился и огляделся как следует, - сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, какие я вез, неподалеку моя машина, вся в клочья побитая, лежит вверх колесами, а бой-то, бой-то уже сзади меня идет... Это как? Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал как срезанный, потому что понял, что я - в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает... Ох, браток, **нелегкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену.** Кто этого на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу введешь, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта штука.
- Тот, какой впереди колонны шел, поравнялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь хлыстнул меня ручкой автомата по голове. Упав я, - и он пришел бы меня к земле очередью, но наши подхватили меня на лету, затолкали в середину и с полчаса вели под руки. А когда я очухался, один из них шепчет: "Боже тебя упаси падать! Иди из последних сил, а не то убьют". И я **из последних сил, но пошел.**

Эпизод в церкви.

- И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: "Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастерку снял, так за рядового сойдешь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела«
- Тронул я его рукою, спрашиваю шепотом: "Ты - взводный?" Он ничего не ответил, только головою кивнул. "Этот хочет тебя выдать?" - показываю я на лежачего парня. Он обратно головою кивнул. "Ну, - говорю, - держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!" - а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык набоку! До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... **Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуеет чужого, предатель.**

Попытка побега.

- ...на четвертые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе. На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трех километров, я залег в овсе на дневку. Намял в ладонях зерен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас и вот слышу собачий брех, и мотоцикл трещит... Оборвалось у меня сердце, потому что собаки все ближе голоса подают.

В плену.

- А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадет, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево. Били за то, что ты - русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься. Били запросто, для того чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверное, на всех нас не хватало в Германии.

Эпизод с Мюллером.

- Снял я с себя мокрое рванье, кинул на нары и говорю: "Им по четыре кубометра выработки **НАДО**, а на **МОГИЛУ** каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит". Только и сказал, но ведь нашелся же из своих какой-то подлец, донес коменданту лагеря про эти мои горькие слова.
- Мигом оглядел я всю эту жратву, и - не поверишь - так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный, как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.
- Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: "Благодарствую за угощение, но я непьющий". Он улыбается: "Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель". А что мне было терять? "За свою погибель и избавление от мук я выпью", - говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: "Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдёмте, распишете меня". Но он смотрит внимательно так и говорит: "Ты хоть закуси перед смертью". Я ему на это отвечаю: "Я после первого стакана не закусываю". Наливает он второй, подает мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: "Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться". Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: "Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!" А я ему свое: "Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать".
- "Вот что, Соколов, ты - настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я - тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду."

- "Как будем харчи делить?" - спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. "Всем поровну", - говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учет, ну, а сала, сам понимаешь, - только губы помазать. Однако поделили без обиды.

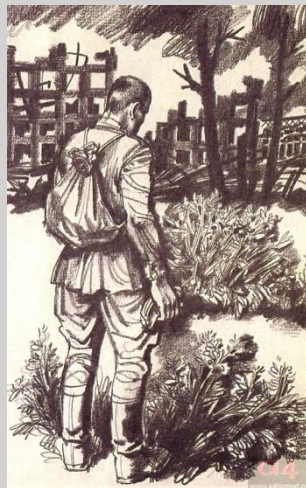

Почему после побега из фашистского лагеря Соколов не оказался в российских лагерях?

- Полковник встал из-за стола, пошел мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: "Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привез от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати "языков". Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде".

В чём истоки душевной стойкости Андрея Соколова?

- В семье ,но и её война отняла у Андрея .
- А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной, и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я крепкий, я выживу, и опять мы будем все вместе... Значит, я два года с мертвыми разговаривал?!
- Подошел я к гробу. Мой сын лежит в нем и не мой. Мой - это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далекую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошел в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слезы вытирают, а мои невыплаканные слезы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?..

Тема семьи тесно связана в рассказе с темой детства:

- **Оскорблённого- Ванюша**
- **Или убитого- дети Андрея Соколова.**
- **И в то же время- тема спасения детства.**
- Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: "Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети". И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: "Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?" Он и спросил, как выдохнул: "Кто?" Я ему и говорю так же тихо: "Я - твой отец". Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: "Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!" Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьет, и руки трясутся...

- В рассказе отчётливо звучит тема человечности человека, прошедшего все круги ада, потерявшего всё, но не потерявшего в себе человека.

В чём смысл открытого финала рассказа?

- Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди?

